

Владимир Баум

Страна людоедов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гибель бургундского королевства

Владимир Баум

Страна людоедов

«Автор»

2026

Баум В.

Страна людоедов / В. Баум — «Автор», 2026 — (Гибель бургундского королевства)

«Страна людоедов» – это прямое продолжение уже ставшей легендарной книги «Порочные короли», а также анонс серии «Гибель бургундского королевства», в которую и включены вышеупомянутые произведения за авторством Владимира Баума – продолжателя традиций Мориса Дрюона и Джорджа Мартина. В «Стране людоедов» повествование ведётся также от лица нескольких персонажей, а их сюжетные линии в дальнейшем переплетаются. Сможет ли потерявшая честь Брунхильда спасти свою сестру из лап андрофагов-людоедов? Какие тайны скрывает западноримский генерал Тертул Лициний Красс? Удастся ли Зигфриду и его группе уничтожить похотливую богиню Фрейю и принести бургундам её голову? Что ждёт Бургундию при правлении порочного короля Гундомара Первого? На эти и другие вопросы вам ответит «Страна людоедов»! Книга, которая читается легко, а для понимания происходящего совсем не обязательно читать прошлую часть.

© Баум В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

18+	5
Аннотация:	6
От автора:	7
Торжество порока	8
Брунхильда	12
Генерал Красс	21
Брунхильда	27
Гизельгер	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Баум

Страна людоедов

18+

Владимир Баум
2026г.

Аннотация:

«Страна людоедов» – это прямое продолжение уже ставшей легендарной книги «Порочные короли», а также анонс серии «Гибель бургундского королевства», в которую и включены вышеупомянутые произведения за авторством Владимира Баума – продолжателя традиций Мориса Дрюона и Джорджа Мартина. В «Стране людоедов» повествование ведётся также от лица нескольких персонажей, а их сюжетные линии в дальнейшем переплетаются. Сможет ли потерявшая честь Брунхильда спасти свою сестру из лап андрофагов-людоедов? Какие тайны скрывает западноримский генерал Тертул Лициний Красс? Удастся ли Зигфриду и его группе уничтожить похотливую богиню Фрейю и принести бургундам её голову? Что ждёт Бургундию при правлении порочного короля Гундомара Первого? На эти и другие вопросы вам ответит «Страна людоедов»! Книга, которая читается легко, а для понимания происходящего совсем не нужно читать прошлую часть.

От автора:

Это художественное произведение. Цели оскорбить кого-то или показать историчность в полной мере не стояло. Некоторые датировки в произведении могут не совпадать с реальными – сделано это было по художественным соображениям, как, например, в случае с распадом Римской империи: в реальности это событие случилось в 395-м году от Р.Х., а в «Гибели бургундского царства» была выбрана дата 405-й год от Р.Х....

Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, укрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благодать и милость Твоя да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни (Псалом 22).

Торжество порока

Весна, 407-й год после Рождества Христова, Аскаукалис, столица Бургундии.

Мало кому из людей дано видеть Божьи знамения в природе или где-то ещё. Такую же невозможность разглядеть божественные намёки демонстрировали и бургунды тогда, после смерти богоугодного епископа Бургундии Ария Руга.

Едва только пропели первые петухи в то роковое сумеречное утро, – следующее за ночью сожжения единственного каменного здания во всём Аскаукалисе, церкви, в которой вёл службы он, – как над Аскаукалисом начал моросить дождик, поливая пепелище догорающей церкви, а где-то в дали послышался гром – кто знает, может быть, это сам бог-громовержец Тор решил возвестить о своём и асов торжестве над «паствой» Аскаукалиса, отпраздновать победу старых богов над «распятым» – многие бургунды, особенно «языческого» вероисповедания, а также и простые сомневающиеся в учении Христа, так и подумали тогда: «Старые боги вернулись!», но не ведали они тогда, как сильно они ошибаются...

Едва только пропели вторые петухи, как моросящий весенний дождик, – и это не смотря на достаточно сухую погоду до этого!, – перерос в ливень, гром же лишь приблизился ещё ближе. Сам же король Бургундии, Гундомар Непреклонный, уже успевший снискать себе такое прозвище, в это самое время праздновал свою победу над епископом и в целом христианством в его стране: празднество сие проходило там, откуда и начался этот небольшой роковой «путч», свергнувший партию Ария с политической арены Бургундии – в таверне Аскаукалиса, в той самой таверне, где по-прежнему хозяйничал уже лишившийся жены Хиггс и его молодая и толстая дочь Фэй. Праздновал и сам Хиггс. Ещё бы, ведь он лишился неверной жены, поведал о измене которой его великодушный король, который к тому же сам судил и лишил её жизни!.. Вон, кстати, и тело её висит – до сих пор свисает в форме креста, привязанная за верёвки к объёмным гвоздям изменница, а из черепа её нагого тела торчит топор, из которого берёт свой исток широкая струя уже засохшей крови. Тавернщик решил так и оставить её висеть на пару деньков в назидание себе и всем остальным. Нет, это чудо, а не король! Этот славный муж поистине осчастливил Хиггса, ведь он не только избавил его от неверной жены, но был также приверженцем старых языческих традиций, приверженцем которых был и сам овдовевший тавернщик, что было видно и по оформлению таверны в его собственности – вся была отделана в германо-языческом антураже. Радовалась победе Гундомара и его дочь Фэй. Наверное. Сейчас она пока во всю разносила напитки вернувшейся с «путча» дружине, которая снова принялась её щипать при первом удобном случае то тут, то там – Хиггс и не смел перечить и противиться этому, ведь эта дружина сегодня ночью вернула старых богов в Аскаукалис. Вообще, он и не то, что бы любил эту толстушку... Да, она от его семени (а точно ли от его?..), но из чьего чрева?.. Нет, никаких чувств к ней Хиггс точно не питал. Пусть её хоть по кругу пустят в этой самой таверне прямо здесь и сейчас, пусть хоть лично король заберёт её к себе на свой «траходром» – он не будет против... Вообще, Хиггс не то, что бы уже совсем старый. Он вполне может найти себе молодую жену и начать жизнь сначала. Флигель же смог охмурить его жену! Он, между прочим, не абы кто, а владелец питейного заведения Аскаукалиса! Да за таким кавалером должна очередь выстроиться до самого Иерусалима! Что такое Иерусалим, правда, Хиггс не знал: это местные посетители-христиане держали это слово на устах довольно часто, а также произносили данный фразеологизм – звучит красиво. Наверное.

«Да, так и поступлю. Найду себе новую жену», – решил для себя тогда Хиггс, и в это время, словно бы Провидение услышало его волю, тройка перепивших и икающих солдат, уже не в силах сдерживаться и ждать освободившихся местных блудниц, подхватили на руки его

дочь и куда-то понесли – Хиггс догадывался, куда... Ну и пусть. Таким образом эта проблема решилась сама собой.

Пили много, говорили мало. В основном, смеялись. Нет, гоготали. Помимо тупого пьяного хохота дружины короля и ржания, словно лошадей, игривых шлюх, в натопленном зале таверны проскакивали и звуки отрыжки и испускания газов из прямой кишки – контингент, мягко говоря, не располагает для интеллигентного общения, тем не менее, все присутствующие чувствовали себя, как рыба в воде. Тостов германцы, подобно скандинавам, тоже не говорили, ибо были немногословны, но в зале то тут, то там слышались аналоги скандинавскому «Сколь!»: «Хайль! Хайль!» – так они ликовали, поднимая кружки, полные элем, когда пили за своего торжествующего короля и Бургундию. Да, воистину чудесный напиток богов, но мало кто знает из здесь присутствующих, откуда произошло это название: знали бы эти тупые варвары тогда, что они пьют напиток, названный в честь имени того Бога, с которым борются, храм которого сожгли сегодня в полночь – не стали бы заглатывать его с таким рвением... Пожалуй, парочку слов следует сказать и об этом напитке.

Эль в Европу пришел из мест обитания Сима (семиты, потомки библейского Сима) – из западной Азии и восточного Средиземноморья в частности. Индоевропейцы, или, по-другому, арийцы, вероятно, переняли этот напиток и его название именно от них из тех мест. Индоевропейцы одно время вообще не сеяли, являясь кочевниками или полукочевниками, из-за чего у них не могло возникнуть и культуры приготовления хлебного напитка. Название также этому напитку они могли дать в честь Бога Эля – Бога обитателя тех мест, где этот напиток зародился, и в целом Бога из Библии. Ирландия же – это родина эля в Европе, ведь если мы откроем "Лебор Габала Ирэн" ("Книгу захватов Ирландии"), мы узнаем из неё, что из восточного Средиземноморья приплыли в конечном итоге также и Сыновья Миля (предки современных ирландцев), тем самым непосредственно из первых рук принесли туда и Европу в целом этот напиток. Этим и объясняется, почему именно ирландский эль такой вкусный и по сей день! – именно ирландцы отцы-основатели культуры приготовления вкусного эля в Европе, а Ирландия – его "метрополия". Бог Эль (Элла, Аллах) символизирует свет, светлым является и пиво – параллель в сходстве Бога и этого напитка мы наблюдаем даже в этом контексте. В английском языке "ele" – светлое пиво, как и во многих других языках Западной Европы. Что характерно, это название этого напитка не встречается в Западной Европе, за исключением Ирландии, и других частях Европы до более современных эпох переселений народов, что говорит о том, что Центральная и Восточная Европа не знали этого напитка, у них оно называлось либо бир (в случае с Центральной), либо пиво (в случае с Восточной). К северным германцам этот напиток пришёл от кельтов-ирландцев через кого-то. Безусловно, это название происходит от имени Бога Эля, почерпнутого предками ирландцев из восточного Средиземноморья или же привезённого другими мореплавателями (может быть, финикийцами) в Западную Европу и в Ирландию. Что характерно, у готов слова "эль" ни в каком виде также не встречается, что доказывает, что не германского происхождения это слово, но кельтского. Ведь если бы у германцев этот напиток зародился, было бы слово у всех германцев от контакта с "метрополией" этого напитка. А готы же в свою очередь большую часть времени колесили по Восточной и Северо-Восточной Европе, не контактируя с кельтами. Источник возникновения этого напитка и его названия теперь становится очевиден.

Вот и думайте теперь, прознай Гундомар и его свита, «чей» напиток они пьют, стали бы они столь рьяно его пить и праздновать «победу» над тем Божеством в Аскаукалесе, в честь которого и назван этот самый напиток. Ответ становится очевиден. Пьянка стояла до самого обеда, пока уже даже самые стойкие не уснули спьяну, но что-то мы отвлеклись.

Едва только пропели третьи петухи, как сумеречное ранее утро перестало быть сумеречным, а превратилось в подобие ночи – чёрные, не предвещающие ничего хорошего, грозовые тучи заволокли небо окончательно, а гроза теперь уже во всю бушевала над Аскаукалисом,

сопровожаемая сильными порывами околоураганного ветра. Тогда уже всем стало очевидно, что это вовсе не Тор на своей колеснице, запряжённой двумя козлами, помчался по небу – ветер от такой «скачки» был уж больно сильным. Никто тогда не понимал в Аскаукалесе, даже самые приближенные к Богу, – настолько же они все оглупели!, – что это сама природа была призвана Господом ко страданию, подобно тому, как каждая тварь вопила на Земле, когда Иисус Христос испустил дух на кресте!, только теперь ролями со Спасителем поменялся более локальный персонаж – епископ Арий. Смерть же этот благой человек принял не на кресте, но был сожжён заживо, подобно много позже сожжённому великому магистру Ордена тамплиеров Жаку де Моле, внутри церкви Аскаукалеса. Да, не нужно тешить себя надеждами – он действительно погиб. Возрадуйся, его ненавистник! Нет, он не прошёл под каким-то потайным ходом церкви под землёй, подобно тому, как славный Зигфрид и опороченная Брунхильда не так давно путешествовали из-под дна озера по длинному тоннелю под землёй, минуя дно водоёма. Нет, его не перенесли ангелы в безопасное место. Нет, он не, как бы сказали сегодня, телепортировался в зону недосягаемости. Сначала он задохнулся от дыма, а когда его плоть и одежду поцеловало пламя – он был уже мёртв, потому и не столь сильно мучился, как упомянутый выше Жак де Моле со своими двумя соратниками. Тем не менее, останков не осталось. Да и стоящие прямо сейчас, дождавшиеся наконец рассвета (хотя «рассветом» эту пасмурную картину назвать сложно), у пепелища церкви в окружении стражи его дочь Эмма, Гизельгер и Кримхильда едва ли стали бы искать его тело – пепелище ещё слишком местами горячо, не смотря на продолжающийся льющийся, как из ведра, ливень, да и особого смысла от этого начинания не было. Вру, читатель!, Эмма не стояла... Она сидела в своём чёрном размокшем от ливня платье прямо в грязи, утопая в ней, у подножия фундамента бывшей церкви. Её каштановые, обычно пышные, волосы утратили свою пышность и теперь плотно прилегали к голове, намокшие от дождя, в такт с каплями которого текли и её слёзы – но, бесспорно, она не могла одолеть стихию воды в этом соревновании по увлажнению почвы. Все остальные же стояли, возвышаясь над рыдающей Эммой – печальная картина. Слишком много этой бедняжке пришлось пережить за последние дни. Загадка, почему эта дева не рвалась и не рыдала, подобно своей подруге Кримхильде, когда сегодня в полночь у ещё целого строения происходила мольба со стороны её подруги не убивать отца её подруги и не сжигать храм. Эмма была слишком шокирована, чтобы что-то пытаться предпринять и выказать хоть какие-то явные эмоции – теперь же она отдалась чувствам.

– Отец... – только и смогла она простонать вновь, утопая в грязи и загребая пальцами размокшую землю под себя.

– Пойдём, родная, мы нечего больше не можем сделать. – подошёл к ней и обнял за плечи её возлюбленный Гизельгер, – Ты заболеешь.

– Отстань от меня! – нашла в себе силы со злостью ответить и оттолкнуть его Эмма.

Гизельгеру это не понравилось, так как он терпеть не мог, когда с ним грубо обращаются, не взирая на положение и статус обидчика.

«Возможно, действительно её лучше сейчас оставить, а то, чего доброго, запачкает мне моё богатое платье...» – такая мысль посетила тогда Гизельгера.

Всё было проиграно. Их внутригосударственная политическая война была проиграна. Лидер их «партии» был уничтожен, его прах был погребён под этим самым завалом. Гунтер, их старший брат, в походе на войну, затеянную их братцем-королём против варинов и англо-саксов. Опора епископа, Зигфрид, Бог знает, где – ушёл в поход за водной богиней в Фрейей, а вернее, за её трупом. С ним ушёл и Хаген. Да, остальные члены семьи с этим бастардом не особо ладили, но... вряд ли бы он не ужаснулся тому, что учинил в его отсутствие их брат-король.

«Или он с ним за одно?..», – с нахмуренными густыми русыми бровями спросил сам себя мысленно Гизельгер касательно Хагена.

Нужно было что-то предпринимать, а никто из них не знал, что. Гизельгер снова взглянул на Эмму – нет, её нельзя было здесь оставлять, не в этом городе, не за одними стенами с этим монстром Гундомаром... Кстати, а где в это время он? Он в это время всё ещё занимался активным пьянством со своей лучшей свитой в местной таверне, но собравшаяся траурная процессия у остатков церкви этого, конечно же, не знала. Он победил и вкушал заслуженные плоды так, как только мог и позволяло тело со здоровьем.

Для короля Бургундии Гундомара I было очевидно, как и для столпившейся у пепелища церкви печальной процессии, так и много ещё для кого, что он отныне господин, ибо одержал полную и безоговорочную победу над умами своих сограждан и поданных, а также над своей жалкой семейкой и «христиашками», как он бы выразился. Никто не пришёл на защиту церкви, когда он пришёл её жечь. Никто не посетил её и после её сожжения, как во время посещения её останков Эммой со своим окружением, так и после – кто-то боялся, кто-то разуверился. Для остатков же «партии» Ария вся надежда оставалась теперь только на Зигфрида и его «поход».

Брунхильда

Зима, 409-й год после Рождества Христова, Эскильстуна, близ озера Эльмарен.

Она хорошо помнила это место. Казалось, это случилось с ней только вчера, а прошло уже целых четыре года с тех пор, как она была многократно использована тремя гномами в небольшой пещерке на дне этого самого озера Эльмарен, красоты которого она сейчас облюбовывала. Сейчас Брунхильду с этой пещерой разделяет не только озёрная вода, но и толстый слой льда, образовавшийся на поверхности. Зима в этом году выдалась холодной, однако Йоль (скандинавский праздник нового года, или, по-простому, зимнее солнцестояние) уже пару недель, как был благополучно был отпразднован – тогда она ещё находилась в Вестеросе, городке немного севернее Эскильстуны, в дне плавания по реке Эскильстуна или в дне пути верхом на лошади или даже пешей ходьбы, вместе с отцом Будли и сестрой, из-за которой Брунхильда, старшая из дочерей конунга, и находилась сейчас здесь... Но сейчас не об этом.

Принцесса ещё раз повнимательнее всмотрелась в даль, в центр озера Эльмарен, где располагалась небольшая каменная глыба, которая не смотря на дистанцию была прекрасно видна и с этого берега – именно там находился в ход в пещеру, где с ней творили блуд три похотливых гнома: два брата-кузнеца Брок и Синдри, а также их дружок, имя которого она уже забыла или и не знала раньше. Брунхильда ещё раз прокрутила в памяти, как это было ужасно. Она находилась в таком плену около двух с половиной месяцев: её поили грибной настройкой, сковывающей её силы воительницы, не давая ей выбраться. Настойка сия также вызывала и сонливость. У конунга Будли не было сыновей, потому роль сына, можно сказать, исполняла она – старшая дочь, Брунхильда. На войне она была и сейчас – стояла в полном боевом облачении: длинная кольчуга поверх германского утепленного унисекс-платья, голову её венчал «рогатый» шлем, где вместо рогов на её шлеме без забрала и каких-либо скрывающих лицо элементов, однако с позолоченным наносником, красовались два красивых позолоченных крыла, вздёрнутых к небу – сразу было видно, здесь стоит знатная воительница («шилдмейден» – по-скандинавски переводя на русский «дева щита»), в данном случае, ещё и принцесса. Её мысли снова вернулись в ту пещеру. Тогда её спас оттуда Зигфрид. Он прикончил этих ублюдочных карликов всех до одного, а позже вывел её через потайной ход, через который эти ублюдки и приходили к ней для блудодейств. Скрывать нечего, хотя бы от самой себя, этот юноша был красив: примерно одного с ней возраста, хорошо сложен, бел, когда нужно, румян. Да и между ног у него тоже было всё нормально... Волосы его были тёмного цвета, однако же бороду и усы он брил наголо – то ли стеснялся не совсем объёмного роста юношеской бороды и усов, то ли просто считал, что так лучше, однако среди гётов, к которому народу и принадлежала Брунхильда, безбородость и безусость были признаками раба – рабов у них обривали налысо и на голове и на лице. На голове же Зигфрид не сильно отличался по росту волос от раба – был короткострижен с пробором по центру головы. Не смотря на отсутствие обильного роста волос в описанных выше местах, Брунхильда отдалась ему тогда, сама не знающая теперь, зачем, как только они покинули пределы той пещеры – аргументировала она тогда этот шаг благодарностью, но, пожалуй, не в честь принцессе гётов такое поведение, как теперь она думала. Её цветок сорвали гномы, до них она не была ни с кем, но Зигфрид всё же был первый мужчина, с кем она это сделала по собственному желанию. Кто знает, возможно, тогда она в какой-то степени решила смыть с себя ту «скверну», которую над ней учинили насильно гномы, быстро избрав на смену им кого-то по собственной воле. Тем не менее, принцесса Брунхильда стала испытывать неприязнь к Зигфриду.

«Надо было убить его тогда, уж слишком много этот юнец знает», – в связи с этим подумала она. Но почему она не сделала это тогда? Из вежливости? Из благодарности? Точного ответа у неё на эти вопросы не было – всё это всплывало в памяти, как в тумане...

Нет, с тех пор она ненавидит не только Зигфрида и расу гномов, она ненавидит весь мужской пол – неоднократно на таких мыслях ловила себя принцесса гётов. На фоне таких размышлений возникла очевидная мысль противоположного, а вернее, не противоположного характера...

«Нет, даже думать об этом забудь!», – мысленно укорила себя принцесса и поймала на мысли, что она никогда раньше не думала о своём-собственном поле в таком ключе...

После Зигфрида у неё не было других партнёров, да она и не искала их – она была слишком подавлена случившимся – но вот о поиске ласк среди женщин ей раньше думать не приходилось... От всех этих размышлений её отвлёк её телохранитель по имени Вальдемар, из-за фразы которого она даже вздрогнула:

– Моя госпожа...

– Да! Да... – прежде, чем успел Вальдемар закончить свой вопрос отозвалась она, резко повернувшись на своего телохранителя. Тот опешил ещё пуще прежнего.

– Моя госпожа, с Вами всё в порядке?.. Вы словно в бездну провалились, мы ждём Вашего решения.

Точно, решения... Тут принцесса оглянула собравшуюся толпу позади неё на берегу озера Эльмарен – она совсем забыла, где она находится и что делает, кажется, у неё было не всё в порядке с головой. Такие провалы в памяти случались и раньше после того случая в пещере под озером, но не в такие роковые моменты, когда жизнь требует от неё активного участия – на неё глядит чуть ли не вся её двухтысячная армия. Возможно, в этом для неё судьбоносном месте эти её «отклонения» обострились особенно сильно, ведь когда-то с этого самого берега она и отправилась на лодке в ту злосчастную подводную пещеру – душевные «вибрации» тут были слишком уж сильны. Но, к этому вопросу она ещё вернётся. Сейчас же принцесса вернулась в настоящее. Здесь она по приказу своего отца. Ещё какие-то две недели назад вся их небольшая семья была в сборе: отец Будли, младшая сестрёнка Бекхильда, которой совсем недавно уже успело исполниться 13, и она – Брунхильда. Мать их Гисла уже давно умерла – как раз при родах Бекхильды, из-за которой Брунхильда сейчас здесь, в Эскильстуне. Конунг Будли же не хотел жениться на ком-то ещё, потому что слишком любил свою умершую жену и их мать. Была ещё и средняя сестра, звали её Оддрун, но сейчас она была далеко... – она была выдана замуж отцом за данского конунга Хальфдана пару лет назад. Но почему же старшей из дочерей Будли, Брунхильде, сейчас необходимо было торчать тут, на берегу озера Эльмарен, близ Эскильстуны? Ещё какие-то две недели назад вся их небольшая семья была в сборе, но младшая сестра Бекхильда пропала, была похищена, а следы вели сюда, в Эскильстуну, а виной всему великодушие конунга Будли. Тогда, года три назад, восстания свеев и финнов на востоке Гётелэнда были окончательно подавлены, а все мятежники убиты. Для подавления свеев пришлось приложить больше усилий, но теперь этот народец едва ли сможет поднять голову и восстать вновь. С финнами же обошлись более благосклонно, особенно тогда, когда некий Йоханнес, сынишка казнённого мятежного вождя финнов Матти, поклялся в верности конунгу Будли, выдав при этом место расположения его мятежного отца со его мятежниками, после чего те были все перебиты. В благодарность за такой исход и подарок конунг Будли обошёлся с финнским народом более мягко, чем со свеями, и даже позволил им иметь своего вождя, разумеется, полностью подчинённого Будли – того самого Йоханнеса, который и занял вождевское кресло финнов после смерти своего отца на плахе. Однако, как раз пару недель назад, этот мерзавец дерзнул похитить дочь своего сюзерена прямо в ночь празднования Йоля! Конунг Будли распорядился своей старшей дочери Брунхильде подавить это восстание и найти его дочь и её сестру, выделив ей две тысячи своих лучших воинов для этого – этого было вполне достаточно.

Сам же конунг решил покинуть Вестерос и вернуться в столицу – Гётеборг. Его неудачный мятеж быстро подошёл к концу. Многие финны не приняли такой ход своего вождя и быстро сдали, кто стоит за этим похищением, предварительно заковав Йоханнеса и разобравшись с остатками его свиты. Скованный Йоханнес в Эскильстуне ждал своего допроса. На допросе со страшными пытками, при которых этот скуластый бедолага умудрился лишиться ушей и члена, он поведал, что намеревался использовать Бекхильду для шантажа своего бывшего сюзерена конунга Будли, намереваясь «выбить» больше льгот и свобод своей нации, в целом, хотел полной независимости и различных гарантий. Глупец. И на что он только надеялся?.. Но случилась неурядица, которой никто не ждал. Как поведал вождь Йоханнес на допросе, пока весть от недоброжелателей Йоханнеса шла до ушей Будли в Вестерос о похищении им принцессы, эту самую принцессу Бекхильду успели похитить и у неудачного мятежника Йоханнеса прямо у него под носом! Как впрочем и у Будли... Воистину мерзкий и коварный народ эти финны, как много раз думала о них Брунхильда: жажда наживы заставила кучку глупцов из этого народа дерзнуть выкрасть и продать саму златоволосую принцессу Гётелэнда Бекхильду андрофагам – так греки называли дикие людоедские племена, настолько дикие, что даже не способные объединиться в какой-то единый племенной союз на постоянной основе без регулярных потрясений и межплеменных войн за, понятно, какую, «еду». Тем не менее, не смотря на дикость, горстка этих человекообразных как-то умудрилась пересечь Балтийское море, тогда называемое Готским из-за господства готов некоторое время в Прибалтике. Это название, «андрофаги», переняли и многие германцы со скандинавами, никогда не контактировавшие с этими народами или контактирующие крайне редко. Трагизм усиливается ещё и в том, что горстка уже казнённых финнов, которые по предварительному сговору похитили принцессу, продали Бекхильду за какое-то экзотическое «андрофаговское» пойло, уже с чистой совестью выпитое «торговцами» принцессами.

Все понимали, что это значит – угодить в страну людоедов, или андрофагов. Оттуда не возвращаются. Да, гёты жили довольно далеко от этих материковых жителей, но слышали о них много душераздирающих историй, от которых кровь стынет в жилах даже у самых храбрых воинов. Как было известно, находилась эта страна чуть севернее Скифии – сразу за землями славян, которые, к слову, тоже практиковали людоедство, но лишь в ритуальных целях, основной же рацион которых составлял пшеничный хлеб, который они научились сеять у своих балканских соседей. Севернее же всё было далеко не так... Андрофаги не ведали вкуса хлеба, следовательно, и не сеяли его, а если кому из них и удавалось его вкусить – они его тут же сблёвывали, ибо порода их, многими поколениями воспитанная на мясе себе подобных, не могла переваривать этот продукт земли. Так говорят. В земли их, населённый чрезвычайно дикими то ли людьми, то ли полулюдьми, а то и не людьми вовсе, боялись соваться даже свирепые гунны и сами боги. Впрочем, тем же гуннам даже и взять-то было нечего с этих оборванцев, если уж на то пошло. Занимались местные особи даже не охотой в привычном всем смысле, но охотой на себе подобных, таким образом самоистребляясь, но при этом они так же быстро плодились, из-за чего их число только увеличивалось. Ни для кого не было секретом, что жившие в Скандинавии по-соседству с гётами и свеями финны были родственны андрофагам и многим подобным соседним народам типа балтов, которые жили вдоль всего восточного побережья Готского моря, ныне Балтийского, но скандинавские финны уже успели своего рода «цивилизироваться» от соседства с более развитыми народами и из-за отгороженности морем от своих «собратьев» – сами же скандинавские финны когда-то пришли в восточную Скандинавию по суше на более далёком севере.

Все понимали, что это значит – угодить в страну людоедов. Однако Брунхильда не собиралась бросать свою маленькую сестру в этом Хеле (аналоге Ада из скандинавской мифологии). Все точно знали, вопреки преданиям древних, Хель находится не на севере (а в скандинавской мифологии мир мёртвых Хель, или Хельхейм, находится как раз на крайнем севере...), но там,

на востоке, в стране андрофагов, где, согласно скандинавским языческим мифам, располагался Йотунхейм – страна великанов – да простят боги Брунхильде такую вольную трактовку. Нет, богов она не боялась... Она слишком хорошо была знакома с ними, с одним даже лично, который и предал её, из-за чего страха теперь перед ними она не испытывала... Она намеревалась не смотря ни на что найти свою младшую сестру, какие бы преграды не стояли у неё на пути. Ради своей сестры она готова отправиться в самые глубины Хеля или на даже край мира, в страну великанов. Но всё это потом, сейчас она должна решить судьбу мятежника.

Принцесса Брунхильда отвела взгляд от своей дружины обратно на трёх пленных, сидящих со связанными за спиной руками на коленях на голом снегу у берега озера Эльмарен – то была семья мятежного вождя финнов Йоханнеса: жена, дочь и он сам. Жена вождя не сильно отличалась в уродстве, по мнению гордой и достаточно красивой Брунхильды, всех гётов и даже свеев, от самого вождя: скуластое лицо, эпикантус поверх голубых глаз, курносость, низкий рост... Однако все были светловолосы. Просто идеальное описание трэлла (по-скандинавски «раба»), описанного ещё в «Старшей Эдде», а именно, в «Песне о Риге», в эпизоде, в котором повествовалось о том, как появилась людская порода рабов и другие «касты» скандинавского общества. По сюжету мифа, скандинавский бог Риг, кого можно отождествить с богом-асом Хеймдаллем, провёл три ночи с тремя человеческими женщинами разных рас, от светлой из которых родился Ярл, ставшим родоначальником правящего слоя скандинавов; от смешанной женщины родился Карл (по-германски «свободный»). Однако позже на Руси это прозвище закрепилось за всеми немцами в целом и от этого же слова в русском языке появилось слово «карлик», подчёркивающее также более высокий рост русичей, чем у немцев. Но это к слову), который стал родоначальником свободных людей скандинавского общества. От внешности потомков Трэлла из «Эдды» это финнское семейство, пожалуй, отличала светлая кожа и светлые волосы:

В давние дни
доблестный старый
ас многомудрый,
храбрый и сильный,
странствовал Риг
по дорогам зеленым.

Шагал он по самой
средине дороги;
к дому пришел,
дверь была отперта;
в дом он вошел:
пылал там огонь,
чета стариков
у огня сидела
прадед с прабабкой
в уборе старушечьем.

Риг им советы
умел преподавать;
сел он потом
посредине помоста,

а с обеих сторон
сели хозяева.

Хлеб им тяжелый
достала прабабка,
грубый, простой,
пополам с отрубями;
блюдо еще им
с едою поставила,
в миске похлебку
на стол принесла
и лучшее лакомство —
мясо телячье;
встал от стола он,
спать собираясь.

Риг им советы
умел преподать;
лег он потом
посредине постели,
с обеих сторон
улеглись хозяева.

Пробыл он там
три ночи подряд;
И снова пошел
серединой дороги;
девять прошло
после этого месяцев.
Родила она сына,
водой окропили,
он темен лицом был
и назван был Трэлем.

Стал он расти,
сильней становился,
кожа в морщинах
была на руках,
узловаты суставы,
толстые пальцы
и длинные пятки,
был он сутул
и лицом безобразен.

Стал он затем
пробовать силы,
лыко он вил,
делал вязанки
и целыми днями
хворост носил.

Дева пришла
с кривыми ногами,
грязь на подошвах,
загар на руках,
нос приплюснут,
и Тир назвалась.

Села потом
посредине помоста,
сел рядом с нею
хозяйский сын;
болтали, шептались,
постель расстилали
Тир вместе с Трэлем
целыми днями.

Детей родили они...
(«Старшая Эдда. Песнь о Риге».
Стихи с первого по двенадцатый)

От лицемерия этих уродливых потомков Трэля лицо прекрасной ликом Брунхильды вновь исказилось в гримасе отвращения.

– Скажи-ка мне, Йоханнес, – заговорила своим не в меру нежным для воительницы голосом Брунхильда, глядя при этом на его дочь лет тринадцати, примерно одного возраста или даже одного с проданной андрофагам Бекхильдой, – какую смерть ты избере́шь для своей маленькой уродливой девки? – та в это время, как и её мать, заливались слезами, но сказать или крикнуть ничего не могли, да и смысла не было, ибо их рты были заткнуты тканью – они были полностью во власти принцессы гётов. Умоляющее выражение лица было и на физиономии отца семейства, но слёз он не лил. Тут Брунхильда повернула голову на заледеневшее озеро, и молвила, – Может быть, мне приказать моим людям расколоть дырочку в этом льде, а твою сучку пустить кататься по нему с подводной его стороны? – в этот момент мать начала ещё больше стонать, а дочь плакать. Принцесса же снова обратила леденящий взор своих сероголубых, как лёд, глаз на семейство, – Пожалуй, нет. Не хотелось бы заставлять моих парней прилагать столько усилий лишь для того, чтобы похоронить под водой маленький мешок с мусором, который всплывёт по весне... Хотя... Может быть, ты сам сделаешь эту дыру во льду?! – завершила эту часть монолога она сильным ударом сапогом по голове отцу связанного семейства, тот поник головой к заснеженной земле на ярком солнце, играющем блёстками на снегу. Брунхильда выждала, пока он поднимется, и продолжила вести речь, – Нет... Пожалуй, нет. Мы не такой жестокий народец, как вы, финны. – она начала ходить влево-вправо возле

семейства, – А может быть, мне продать твою уродку андрофагам, как ты это сделал с моей сестрой, а? В подарок пусть возьмут и уродливого трэлла с такой же его уродливой женой. Нет! Лучше выменяю мою сестру таким щедрым даром в виде ЦЕЛОГО СЕМЕЙСТВА! финнов!.. Боюсь, и тут тебе повезло... – она остановила взгляд своих ледяных, как у живого воплощения смерти, глаз на зажмурившемся и уже рыдающем финне, бывшем вожде, далее не спеша подошла к нему, присела на одно колено, оперевшись своим позолоченным копьём с инкрустацией из золотых рун на древке рукой, рядом и посмотрела своим жестоким и холодным взором прямо в открывшиеся глаза бедного финна – этот взгляд был бы ещё страшнее, если бы лик Брунхильды был более узок, чем было на самом деле, – Где мне найти подходящих покупателей из этих людоедских народов, а? Скажи-ка мне! – и вытащила «кляп» у того изо рта.

– ПРОШУ ВАС!, СЖАЛЬТЕСЬ НАД НАМИ! Я ВОВСЕ НЕ ХОТЕЛ ПРОДАВАТЬ ВАШУ СЕСТРУ ЭТИМ ВОСТОЧНИКАМ!.. – простонал Йоханнес во всё горло на ломаном гётском наречии. От такого напора громких слов и летящей при произнесении этих слов слюны принцесса даже отпрянула, горделиво встала.

– Какая же мразь... Вальдемар!

– Да, моя госпожа... – нежно и тихо молвил стремительно явившийся на зов телохранитель.

– Платок.

В считанные секунды белый платок был уже извлечён верным Вальдемаром неизвестно откуда и протянут его госпоже. Та отёрла им лицо свободной от копья, упирающегося в снег, рукой.

– Спасибо... – и протянула его обратно. Вальдемар поспешно забрал его и так же поспешно отошёл обратно в сторону. Взгляд отвращения принцессы тем временем снова перешёл на отца-финна, – Ты не ответил на мой вопрос.

– Я не знаю! – начал вопить рыдающий финн, – Я не знаю, где мне найти для вас покупателей! НЕ ЗНАЮ! – и продолжил рыдать, склонив голову.

Брунхильда стояла так ещё примерно пять секунд, прежде чем приняла решение.

– Очевидно..., ты прав. – и стремительно нанизала на копьё его маленькую и рыдающую дочь.

Мать упала в обморок, отец лишь начал что-то орать на своём финском наречии, трясясь всем телом. Брунхильда тем временем, словно кошка с мышкой, начала играть с телом умершей на копьё, жизнь из которого уже улетучилась – начала демонстрировать его окружающим, словно это зефирка на веточке в пикник-парке, но нет, принцесса при этом не улыбалась, не настолько она была безумна. Казалось, веса это маленькое тело не имело вовсе или это воительница была столь сильна – двигала она копьё с поразительной лёгкостью не смотря на «ношу» на нём.

– Кто-нибудь, заткните ему пасть! – обратилась к своим стражам Брунхильда, – Я не могу больше слушать его вопли.

Сказано – сделано. Не прошло и десяти секунд, как кто-то из дружины сунул грязную тряпку обратно в рот стонающему отцу. Принцесса в это время лишь стряхнула его дочь со своего копья прямо перед ним на снег.

– Знай же, финн, – снова взяла снова принцесса гётов, – твою дочь сожрут волки или другая мразь – она так и останется лежать здесь до прихода голодных зверей. – тот словно бы и не слышал её, – Убить его.

Сказано – сделано. В мгновение ока жизнь отца семейства была оборвана точным ударом в позвоночник мечом одного из воинов – с ним обошлись слишком гуманно.

– Эту суку раздеть, – указала принцесса на мать семейства, – но сперва дождаться, когда она проснётся. Пусть замерзает и видит трупы своих родственников. – закончила раздавать приказы она и вновь отошла к озеру. За ней устремился Вальдемар.

– Моя госпожа, что теперь? Домой? Мне распорядиться написать письмо королю о прекращении поисков?.. – стал засыпать вопросами её Вальдемар.

– Домой?.. – развернулась к нему Брунхильда, вздёрнув бровь от удивления, – О прекращении поисков? Не-е-е-ет... Мы не возвращаемся домой. Мы плывём на восток, друг мой, в страну людоедов. Вели людям готовиться.

Вальдемар исполнял также функции командора в армии Брунхильды.

– То есть как... – отозвался тот.

Принцесса развернулась к нему всем телом.

– Тебе что-то не понятно, мой друг?..

Вальдемар опустил голову, нет, присел на колено возле своей госпожи.

– Моя госпожа, я всё выполню по Вашему требованию... – умоляюще молвил он.

– Хорошо. Тогда, ты и копьё моё помоешь...

– Да!, моя госпожа... – он встал и взял уже протянутое ему копьё, – Я всё сделаю! Будут ещё какие-то распоряжения?.. – чуть склонив голову, благоговейно спросил тот.

– Да. Сжечь город.

– П... Прошу прощения..? – но голову поднять не осмелился.

– Сжечь Эскильстуну дотла. Всех живых убить, животных отпустить или забрать по мере нашей надобности, для провианта, как и прочие ценности. "Избранники Фрейра", – так называлась армия Брунхильды, – могут беспрепятственно собирать любые трофеи. На этом пока всё.

– Да, моя госпожа, – ещё раз поклонился ей Вальдемар, – Будет исполнено. – и поспешил удалиться.

Тем временем Брунхильда снова отвернулась от своей армии обратно к озеру и погрузилась в свои мысли.

Нет, конечно же она не могла оставить в живых хотя бы одного несчастного финна – она была убеждена, что слух о её пороке с гномами разбежался по всей Финляндии в границах той поры – она намеревалась стереть этот народ с лица лика Земного. В ту пору Финляндия, пусть и не имеющая единого правителя, располагалась почти по всему юго-восточному побережью современной Швеции и по всей Финляндии в её современной границе, включая Кольский полуостров. Брунхильда не могла охватить и «очистить» такие большие пространства сейчас, но она намеревалась определённо это сделать в будущем. Сейчас же она ограничится лишь полным вышибом этого народца из Скандзы. На большее у неё не было времени – её проданная сестра ждёт её. Или уже не ждёт. Возможно, она уже была съедена людоедами на пути в их земли на лодке, на которой они прибыли в Гётелэнд.

«Сестра моя, я найду тебя...», – отразилось в мыслях у старшей из принцесс гётов.

Итак, отданные Брунхильдой приказы были выполнены с точностью до мельчайших подробностей. Что до семейства вождя восточных финнов – как и было приказано, мать семейства раздели до лёгких одежд и оставили горевать над трупами её семьи – так она и замёрзла, а их подмёрзшими остатками отужинали волки.

Всем известной Эскильстуны отныне не стало. Население этого городка было бедно, набить карманы "Избранникам Фрейра" было особо нечем. Сами дружинники не горели особым желанием насилловать местных баб – они были по их меркам уродливы, а в походе они были совсем недолго – им ещё не объявили тогда, что им предстоит далёкий путь... Таким образом, обошлось особо без половых эксцессов.

Брунхильда лично проследила, как убьют всех жрецов Одина, по наставлениям которых несколько лет назад она направилась в обитель разврата над ней – теперь свидетелей её порока не осталось в этих краях. Так она думала. Правда, она так и не смогла отыскать того лодочника,

который доставил её в ту пещеру. Как бишь его звали... Весо, что ли... Ладно, им можно заняться и после. А может, он уже и помер вовсе...

Не прошло и недели, как "Избранники Фрейра" уже отплыли из Вестероса на восток на лодьях, числом 25, со всем необходимым – сначала вышли непосредственно в огромное болотистое озеро Меларен, – ледорубы не дают этому озеру затвердеть!, – предшествующее Готскому морю, и поплыли на восток, выйдя в дальнейшем в открытое море. Перед самым отплытием Брунхильда отдала приказы по рекрутингу всех местных гётских гарнизонов из всех принадлежащих округу Вестероса и из самого Вестероса для поголовного истребления «поголовья», как она тогда выразилась, финнов. Едва ли её отцу бы понравился такой поворот, ДАЖЕ ЕМУ!, и она распорядилась написать под диктовку специальное ложное письмо для конунга Будли, её отца, в котором говорилось о тотальном восстании всего финнского населения против власти гётов, из-за чего их всех необходимо было уничтожить. Брунхильда знала, что её отцу это не понравится, но ей было уже всё равно, а прецедент нужен.

Генерал Красс

Лето, 404-й год от Рождества Христова, Реймс, Римская империя.

Престарелый генерал Тертул Красс был почтеннейший из римлян, не смотря на свою принадлежность к, хоть и к старинному, но всё же плебейскому роду Лициниев. Тертул Лициний Красс – вот его полное имя. Не сказать, что жизнь у него была насыщенной и весёлой, подобно той, что протекает в Риме среди знати. С раннего детства он, так сложилось, вынужден был посвятить жизнь военному ремеслу. Не сказать, чтоб он хотел этого... – он так и не понял за всю свою жизнь наверняка, чего же он всё-таки хочет. Вся его жизнь – это постоянные походы, метания по воле императора и сената то туда, то сюда по всей империи и к её границам, ну и, конечно же, бордели, куда он прямо сейчас и направляется...

Погодка была певчей, – пели и птицы, – летней, ясной. Был полдень, "сиеста", время отдыха. Он шёл по мостовой Реймса (хоть реки и не омывают этот город – по мостовой над сушей) напрямиком в «Сладкая Лициска» – именно так назывался местный реймский бордель. Мало кто знает из местного плебса тайну этого названия... Со словом «Сладкая», вроде бы, всё понятно, но как быть с «Лициска»? Кто она? Для ответа на этот вопрос необходимо рассказать сперва о Мессалине...

Валерия Мессалина была третьей женой римского императора Клавдия, матерью Британника и Клавдии Октавии. Однако наследницей сана императрицы она вовсе не рождалась, а так, простой блудницей. Ещё с тринадцати лет, под влиянием всем известного безумного и столь же порочного императора Калигулы, она начала блудить на различных симпозиумах и пирах, чем так богат Рим (правда, сейчас, под влиянием проникшего христианства, Рим стал более благим нравами), в окружении самого упомянутого выше императора Калигулы. Никто не знает, в чём же причина её такого порочного поведения: врождённость или же влияние императора. Её патрицианское происхождение всем известно, однако оно не сказалось на ней в положительном русле в вопросе нравственности. Да и не должно было сказаться. Аристократия Рима всем известна своей похотью и жадностью... Влияние Калигулы тоже нельзя недооценивать, но, скорее всего, «виноваты» оба этих критерия... В 38-м году, уже после рождества Спасителя, император Калигула выдал её замуж за своего дядю Клавдия, который помимо всего прочего являлся ещё и двоюродным братом её матери. В добавок мы имеем ещё и инцест... Именно этому Клавдию Мессалина и родила упомянутых ранее деток с «голубой» кровью. К убийству и самого императора Калигулы Мессалина также причастна – ей пришлось переспать с половиной преторианской гвардии, чтобы те решились на убийство первого. Не успел труп Калигулы остыть в своих постелях, как Мессалина и Клавдий были объявлены императрицей и императором. Однако новоявленная императрица ни в коем разе не желала делить власть со своим августейшим супругом... Всю свою похотливую жизнь она лишь плела интриги и искала пути убийства и свержения своего мужа, желая стать единоличным правителем империи с гаремом из множества верных ей мужчин. Но она переоценила свои силы. Один из её вольноотпущенников, не желая идти у неё на поводу, предположительно, галльской (кельтской) крови, намеренно удушил её в Садах Лукулла, что в Риме. Местные ещё долго судачили, что он задушил её в порывах любовной страсти, однако вряд ли это могло быть так. Но довольно об этом. Какое же отношение эта августейшая особа имеет к Лициске, имя которой и по сей день красуется на вывеске известного борделя Реймса? А самое прямое. Как уже стало понятно читателю, своего мужа, да и вообще все рамки приличного поведения женщины, эта дама ни во что не ставила – она попрали все законы чести. А «Лициска» же был лишь её бордельный псевдоним, под которым она обслужила множество народа из всех уголков Римской империи,

стекающегося в Рим за утехами. Многократно, пока её муж отсутствовал или спал, Мессалина выбиралась из императорских покоев инкогнито, в мантии и капюшоне, сбрасывала которые лишь по прибытии в тот или иной местный бордель – там она и называла себя «Лициска». Тем не менее, для местных всех сословий не было тайной, кто скрывается под этим псевдонимом. Снова и снова они брали её, а в качестве оплаты она, по слухам, брала даже меньше самой дешёвой шлюхи Рима... Однажды она даже устроила соревнование с лучшей из них – Сциллой. Мессалина была настолько голодна, что ей уступила даже лучшая проститутка Рима, выдохнувшись к утру, обслужив пару дюжин похотливых самцов, императрица же продолжила и дальше – дойдя до рекордной цифры около полусотни.

Вот что из себя представляет Лициска и с чем её едят. Красс ни в коем разе не смел упрекнуть эту женщину из истории, по сути, за то, чем он активно занимается на досуге всю свою жизнь – ведь прямо сейчас и он шёл в бордель, правда, никаким императором или, упаси боги, императрицей он не был, но лишь генералом, уставшим и идущим на заслуженный «отдых».

Да, именно «боги», ибо генерал Красс не был христианином, но являлся язычником и мечтал о возрождении бывшего Рима, которым будут править старые боги, а не попы в рясах. На сегодняшний день такого, как Красс, едва ли можно встретить на просторах Римской империи – казалось, все уже давно приняли «распятого» своим богом – такие, как Красс, в диковинку.

Наш бредущий до борделя герой ни раз и ни два гадал, почему же подобного рода заведения, в одно из которых он прямо сейчас направляется, ещё не запретили христианские жрецы: ведь по их религии это запрещено. Впрочем, неизвестно, где они были раньше эти пару сотен лет со своими запретами – сейчас им точно не до этого (ещё больший вопрос: где они были вообще всё существование человечества до какого-то там Рождества кого-то?): вот уже пяток лет Рим охватывают сильные религиозные волнения – причём с каждым годом всё более сильные. Волнения на религиозную тему с момента прихода христианства были не чужды Империи и раньше, но за последние несколько лет все как с ума посходили... Эти «ариане» и «никейцы», как был уверен и Красс, точно расколют Рим или учинят ещё что-нибудь, но всё устаканилось – ариане были ликвидированы. Красс ещё помнил какого-то епископа, Ария, который всё бегал по округе со своим учением, обитавший в основном где-то чуть севернее Реймса, в Дурокортуруме. Но он был ликвидирован, как и другие ариане. Теперь же Рим раздирают противоречия греческих христиан и западных, так их можно назвать, или греческих и латинских. Терпеть он их не мог, Красс, этих паршивых христиан... Всё, ради чего он борется на фронтах, может быть разрушено изнутри Империи распрями фанатиков и кучкой фантазёров.

Он был уже почти у цели...

«Ох, кажется, мне точно пора садиться на диету...», – мысленно решил для себя генерал, поняв, что задыхается, а ведь это даже не то, что марш-бросок, даже не бег на короткую дистанцию, всего лишь пешая ходьба... Он и правда разжирел за последние года. Начался этот процесс почти сразу с получением генеральского звания, однако раньше для Рима неслышанно было, чтоб генерал был толст – нет, с такими толстыми генералами Рим точно вскоре захватят какие-нибудь варвары с севера или востока, доселе прячущиеся по своим лесам и болотам...

Ну, по крайней мере, теперь герой нашего повествования в полной мере оправдывал свой агномен (термин в римских именах, который означает личное прозвище, кличку. Это дополнительный и необязательный компонент имени, который помогал различать одноимённых лиц) – Красс – ведь с латыни это слово можно перевести на русский, как «Толстый» – он действительно стал такой, а его округлое лицо на маленьком круглом теле стало ещё больше и круглее. А могло бы быть иначе? Думается, нет. Само военное дело ему удовольствие не приносило, а, следовательно, и физические нагрузки... Только если это не секс.

Он наконец добрался. Пот лился ручьём по телу под бордовой знатного вида туникой поверх него.

Когда-то, будучи ещё центурионом, для Толстого всё же не в тягость были марши и даже схватки с противником. Красс хорошо помнил ту битву за Лондинию (современный Лондон), после поистине героического успешного отстаивания которого ему и пожаловали звание генерала. В том бою погиб генерал их легиона, Коммод, вместо которого и был избран Красс – лучше кандидата не нашлось. Стоял тогда 389-й – он хорошо помнил этот год. Генерал Коммод был застигнут врасплох в Лондинии полчищами приплывших откуда-то с востока ошалелых варваров – казалось, сама смерть за ними гонится. Полчища фризов вкупе с горсткой ютов снялись со своих мест где-то за Рейном, и ударили неожиданной атакой с моря всеми своими силами, стремительно проплыв по Темзе прямо в «Сердце Британии». Подробности битвы описывать особого смысла не имеет, важно одно – все варвары убиты, а Красса за проявленную доблесть назначили генералом, хотя, доблестью он особо не блистал. Эх, а сколько ещё таких неожиданных ударов с моря можно ждать Империи по своим берегам...

Красс решил ещё немножечко одыщаться, прежде чем предстать перед «девочками».

«Диана (имеется в виду одна из богинь римского языческого пантеона), как же хреново!..», – только и хватило у него сил на произнесение данной мысли у себя в голове. В этот самый момент, Красс обратил внимание, что мимо него бредёт тройка (он ещё что-то слышал про какую-то «Троицу» от них же...) христиан в коричневых мантиях в капюшонах. Презрительный взгляд одного из них ему удалось даже поймать – Красс даже испугался... А вдруг, его сейчас убьют или избыют эти фанатики? Поджилки задрожали, кожа из раскалённой вдруг похолодела, а пот уже тёк не тёплый, но такой же холодный. Однако всё обошлось... Они лишь прошли мимо, предварительно плюнув на порог борделя, совсем рядом с Крассом, из-за чего тот даже вздрогнул – они прошли мимо, бросая проклятия:

- Горите в Аду!
- В Аду сгорите!
- Прокляты будьте!

Красс от таких злых слов едва не расплакался. Даже желание плотских утех на несколько мгновений исчезло. Марс (бог войны в римском языческом пантеоне), да что это с ним?! Он – генерал!

Собрав волю в кулак, горделиво задрав подбородок, Красс отворил наконец розовые двери борделя двумя руками, словно господин какой.

– Херус (на русский с латыни можно перевести, как «господин». От этого слова в дальнейшем произошло немецкое «герр», а происхождение самого слова «херус» имеют более древние, индоевропейские корни, опять же, от слова «арий». От слова «арий» или «херус» произошло и всем нам известное «герой») Красс! Милый мой, снова добро пожаловать! – разводя для объятий руки, встретила его «мама» по имени Клеопатра, это было явно не её настоящее имя, но псевдоним известной египетской правительницы, спавшей с Юлием Цезарем, когда тот пришёл туда – сам же бордель принадлежал неизвестному патрицию.

– Моя дорогая, добрый день! – ответил взаимностью на объятия этой чернокудрой особы Красс – они обнялись и поцеловали друг дружку в щёку.

– Тебе как обычно?

– Нет, знаешь, в это раз я для начала приму ванну... День выдался что-то сильно жарким, а я весьма промок от пота...

– Я всё сделаю, твоя комната будет готова через пять минут, а пока присядь сюда! – указала она на длинную банкетку, обитую бордовым, под цвет его мантии, бархатом.

Красс послушно плюхнулся толстым задом на эту банкетку, спустя минуту сочащийся пот клиента не стал щадить и её бархат.

Как и обещала «мама», или, как бы сказали сегодня, администратор «Сладкой Лициски», комната была готова спустя даже чуть меньше пяти минут. Богато обставленная комната в мягких бордовых красках с окном с выходом на, как иронично, местную церквушку, куда небось

и шли эти встретившиеся на входе в бордель недовольные «попы». Помимо готовой комнаты его уже ждала готовая ко всему ему давно знакомая Дидона – это её «псевдоним», в честь легендарной основательницы Карфагена – кожа её была бледна, глаза черны, волосы кудрявы и также черны, она была нага – два чёрный соска, как и два чёрных глаза, смотрели прямо на Красса – тот принялся раздеваться...

– Оставляю вас одних! – улыбнулась и закрыла за ними дверь «мама».

К своему удивлению, плоть Красса, обычно к этому моменту уже «восставшая», спала под складками жира – раньше с ним такого не бывало.

– Херус!.. – поклонилась и помогла залезть своему «гостю» в золотую ванну «Дидона» – перед взором клиента открылся вид на церковь.

Дидона начала натирать своего посетителя, смывая грязь и пот то руками, то щёткой.

Какая ирония и контраст, подумал Красс, здесь роскошь и разврат, а там за окном бедность и ханжество, подумалось ему, глядя на церковь в окне. Как же он ненавидел христианство... Но от этих размышлений его снова отвлекла его плоть – почему она всё ещё «спит»?..

Словно бы прочитав его мысли, Дидона ухватила рукой за его мужское естество, принялась оказывать ласки, но «взаимности» не было. Казалось, проститутка была удивлена не меньше самого владельца сего естества.

– Давай пока без этого... – прямо сказал ей Красс.

– Как пожелаете, херус... – нежно согласилась она.

Нет, с ним точно что-то было не так, раньше он не подводил... Красс был уже достаточно стар – сам не заметил, как жизнь пронеслась – ему на тот момент было 57. Возможно, наступил именно тот возраст, когда такого рода его потребность ему уже не была так необходима... Тем временем, купания были завершены.

– Херус, ещё что-нибудь нужно?.. – склонилась перед ним заботливая Дидона.

– Да, Дилдона, – в шутку решил он так её назвать, добавив к её имени букву «л» в нужном месте, – позови сюда твою «мать».

– Сию минуту, херус.

Прошло всё же больше минуты, прежде чем в комнату зашла «мать».

– Моя дорогая, – начал было Красс, – я не знаю, что и думать! Мой... к-хм... – посмотрел на него он, – увял...

– Увял... – поднесла руку к подбородку и задумалась, глядя на церковь за окном, та, – Думаю, я смогу это уладить. Жди здесь, друг мой! Дидона! – обернулась и снова позвала её «мать», – Кипятка нашему гостю!, – взор её снова пал на гостя, – Подожди всего несколько минут.

– Никаких проблем!

И удалилась, а Дидона спустя пару минут уже поливала кипятком тёплую ванну Красса.

Спустя минут пять в дверях снова показалась «мама», но на этот раз не одна – держала за плечи вводимую в комнату брюнетку с большими грудями и широкими бёдрами – но та была пока одета.

– Знакомся! Только сегодня привезли... «Принцесса франков»!

Красс улыбнулся.

– Франков? – ехидно переспросил он и улыбнулся, – Я слышал о франках... Но никогда не бил их в бою... – улыбка Красса стала ещё шире, а лицо «Принцессы», казалось, приобрело из равнодушного немного грустный оттенок, как показалось посетителю заведения, – Почему её так зовут?

– Я понятия не имею! – отозвалась «мама», – С таким названием этот товар был куплен и привезён из какого-то борделя чуть севернее, ближе к Рейну. Девка из франков, но почему «принцесса» – этого уже я не знаю.

Плоть Красса действительно потихоньку начала вздыматься.

– Ах! – махнул он рукой, разбрызгивая брызги воды, – Давай её сюда!

– Я вас оставляю. – сказала «мама», пригрозив напоследок пальчиком «Принцессе», а напоследок, когда та развернулась к клиенту, шлёпнула её по заднице.

Как только за «мамой» закрылась дверь, опошлившийся Красс встал во весь рост в ванне, а с «плотью» у него уже было всё в норме. На лице у него стояла улыбка сатира.

– Ну что, детка, принимайся за работу! – воскликнул он и рассмеялся.

По итогу посетитель «Сладкой Лициски» оказался доволен, но особого энтузиазма и желания угодить от «Принцессы» не заметил. Улёгся на мягкий диван, обмотанный белым полотенцем.

– Ну, милочка, а теперь принеси мне вина.

– Слушаюсь... – та послушно склонила голову.

Не прошло и двух минут, как она вернулась с железным, натёртым до зеркального блеска, из-за чего в нём можно было увидеть своё отражение, подносом – на нём стояли фрукты и кувшин с реймским вином – и поставила его на комод.

– Ну, рассказывай! – важно начал он, – Кто ты? Откуда ты? Почему тебя зовут «Принцессой франков»?

Было видно, что расспросы ей эти не по душе. Она начала мяться.

– Я-я... – начала было она.

– Ты-ы-ы... – продолжил Красс.

– Я-я...

Красс поставил чашу с вином на комод.

– Нет, послушай, так не пойдёт. Здесь, пусть не Рим, но приличное заведение – сюда приходят влиятельные люди! Как я. Знаешь, кто я? Я между прочем ГЕНЕРАЛ! Ты имеешь честь разговаривать с генералом Римской империи!.. – подобно оперному певцу, стал громко голосить Красс, – Рассказывай. – смягчил он тон, – Я вот тебе представился. А если ты будешь мне перечить... – и он жестом завершил сказанное – у горла сделал режущее движение рукой.

– Моё имя Астрид, я из франков. – сказала та и отвернулась, поджав губу, пытаясь сдерживать слёзы.

– Та-а-а-ак – протянул Красс, – очень хорошо... Уже лучше! Но почему «Принцесса»? А?

– Прошу Вас, херус... Никто меня раньше так не унижал, как Вы! И никто меня раньше не донимал подобными расспросами!.. – у неё потекли слёзы.

– ОТВЕЧАЙ! – крикнул он и ударил при этом по комоду, на котором стоял поднос с вином и фруктами – от такого удара содержимое подноса чуть подпрыгнуло, а из блюда с фруктами упал и покатился апельсин.

Подпрыгнула, а вернее, вздрогнула и испугалась от такого крика и удара и Астрид, начала тяжело, часто и громко дышать ртом.

– Я не просто из франков. Это же очевидно! – повернулась она к нему, – Я когда-то была принцессой, пока меня не продали в рабство Риму! – выпалила она, прикрыв лицо ладонями и заплакала.

Кругломордый Красс поник головой – он был недоволен. Сама его морда налилась кровью и покраснела. Прошло секунд десять паузы и слёз проститутки, прежде чем он выпалил:

– Знаешь, – указал он на неё вилой для фруктов и начал нервно что-то ей нанизывать, – а у меня никогда такого не было, чтоб шлюха во время свиданий со мной ныла... Я этого не потерплю... Но тебе повезло. Сегодня я добрый. Клеопатра! Клеопатра!!! – начал криком звать «маму» рассерженный клиент, – Твою мать... – гневно шепнул он и швырнул на поднос вилу, – ДИДОНА! КТО-НИБУДЬ! – продолжил он орать рвущимся от гнева голосом, – ДА ГДЕ ВЫ ВСЕ?!

Не прошло и минуты, как «мама», задыхаясь, ворвалась в бордельную комнату Красса.

- Херус! Милый мой! Что такое!?!... – оглядела она комнату.
- Да вот полюбуйся, что ты мне подсунула. Посмотри на её нытьё!
- Бог ты мой...

Кому-кому, но заведующей борделем это Имя нужно было произносить в последнюю очередь...

– ЧТО ТЫ СТОИШЬ, ДУРА?! – разорался на неё предельно недовольный клиент, – Уводи её отсюда! – та рыдала, – Я ни копейки за это платить не буду!

– Да, сейчас... – и поспешно стала выдвирать упомянутую.

– Дерьмо, а не день... – напоследок выругался Красс и ещё раз посмотрел на церковь в открытое окно и резко встал, рванулся к окну, и со всей силы запер ставни, из-за чего одна из них отлетела и упала на пол.

Брунхильда

Зима, 409-й год от Р.Х., Готское (современное Балтийское) море.

Её разбудил резкий стук о дно корабля – что-то остановило его. Наспех встав, она вышла на палубу – на ней никого. За пределами её личной и единственной каюты с небольшим очагом прямо на палубе стояла ледяная плоть погоды, а из ноздрей шёл пар.

«Куда подевалась вся команда?», – мысленно спросила себя Брунхильда.

Действительно, на палубе не было ни души, а каких-либо звуков из погреба корабля тоже не доносилось – она была одна.

Тут корабль резко пошатнулся влево-вправо, из-за чего ей, дабы не упасть, потребовалось даже ухватиться за дверь её маленькой каюты. Тряска длилась секунд пять, прежде чем корабль, на фоне спокойного моря без волн, освещал который только лунный свет, принял исходное спокойное положение. Что-то было не ладно. Брунхильда не была из той изнеженной породы южных принцесс, её не просто было испугать, однако сейчас её сердце забилось чаще. Прошло ещё секунд пятнадцать тишины и покоя, прежде чем море выплюнуло на корабль, перекинув через борт корабля, нечто, а вернее, некоего, с виду, человека, но полуобнажённого – теперь на палубе она была не одна. Всё бы ничего, но ещё через несколько мгновений некто начал шевелиться, из-за чего принцесса даже вздрогнула.

«Как мог он выжить в ледяной воде и восстать на палубе корабля в такую стужу?», – пронеслась мысль у неё в голове. Неужто ей довелось лицезреть драугра (подобие зомби из скандинавской мифологии) живьём?!

«Драугр» восстал и выпрямился – это было страшное и бледное существо с горящими ледяным пламенем глазами, а плоть на его теле местами отсутствовала, обнажая кости.

«Андрофаг...», – с ужасом и удивлением для себя произнесла принцесса мысленно – она почему-то вдруг осознала, что это был именно он, вернее, один из них. Теперь он был не один – к нему присоединились остальные. Один за другим ему подобные существа начали вываливаться на палубу из-за борта напрямик из моря, а после вставали, один за другим, один за другим... Было ужасно страшно, принцессе затрясло всем телом. Она сейчас походила, скорее, на беззащитную Кримхильду, нежели на гордую воительницу или деву щита – вот насколько ей было страшно.

Она рванула с места обратно в свою каюту, судорожно хватаясь за своё верное копьё. Андрофаги же ворвались в каюту со стремительной скоростью – едва только принцесса успела отойти от двери. Одного из них ей даже удалось проткнуть после стремительного разворота – она была обучена военному делу практически с пелёнок и знала, куда нужно бить – любимым же её оружием было копьё. Затем она убила второго, третьего, четвёртого... Ублюдки не переставали напирать. Наконец до них дошло, что здесь им не пройти – дверь надёжно была защищена воительницей, даже без щита. Тут и сама воительница вспомнила про свой щит, и во время паузы в напоре врагов быстро подобрала в левую руку и его – свой высокий тёмно-зелёный деревянный щит, защищающий почти всё тело, скруглённый по краям. Твари же предприняли иной ход. Не прошло и пары мгновений с момента поднятия принцессой щита и принятия боевой стойки у двери, как послышался звук скабления по дереву досок, из которых была сложена её каюта – это андрофаги ломались к ней со всех сторон. Паника вновь охватила Брунхильду, до этого немного успокоившуюся из-за своего воссоединения со своим любимым оружием и щитом – теперь она была в западне. Ещё через несколько мгновений образовалась первая пробоина – и образовавший её сразу же отведаль на вкус наконецник копья шилдмейден. То же случилось и с тем, кто открыл вторую брешь. А так и с третьим, и четвёртым... Счёт убийствам убийца с копьём не вела. Наконец эти уроды додумались добраться до неё под

палубой, на которой и стояла эта дощатая утеплённая каюта – скрежет и стуки послышались под полом.

«Это конец, мне не сдержать их...», – мысленно заключила, что её ждёт, Брунхильда.

Наконец один из мерзавцев пробил дыру в полу, пока воительница была занята убийством твари, вбежавшей в дверь, и хватанул её за ногу – впился в неё длинными и чёрными от грязи заострёнными ногтями, нет, когтями! На то принцесса простонала. Наконец тварям удалось оторвать целый кусок стены, по несчастью для девушки, за её спиной. Пока тварь удерживала её рукой за ногу из-под пола, из-за чего принцесса не смогла повернуться для на несенный новой вереницы ударов, твари гурьбой хлынули внутрь через проделанную дыру в стене. Всё для неё было кончено. Ещё через пару мгновений её повалили на пол, при этом поломав костлявую руку нечисти, державшую её за ногу из-под пола – вырвали из руки копьё и также с силой отшвырнули щит – и принялись драть её... Андрофаги своими когтями принялись сдирать и срывать одежду с нашей героини: длинную ночную рубашку – обнажились толстые груди; затем добрались и до нижнего белья... Разоруженная бедняжка догадывалась, что сейчас с ней произойдёт и начала панически стонать, однако она ошиблась. Вместо того, что с ней однажды уже проделывали, – на этот раз могло быть без снотворного, но силой, – твари начали впиваться в её нагую плоть гнилыми и чёрными зубами, откусывая кусочки: вот кто-то куснул за ногу – в том самом месте, где до этого за икру держал её андрофаг под полом; вот один из них отхватил кусочек от её объёмной ягодицы – твари искали места «помягче»; вот кто-то дерзнул впиться и в её увесистую грудь... Было больно, она кричала. Громко кричала... Пока её крик не прервал роковой укус в шею, перегрызший артерию. Всё закончилось.

Брунхильда снова пробудилась ото сна. Всё до этого было всего лишь сновидением... Нет, это было кошмаром. С момента случившегося с ней в той пещере под озером Эльмарен ей часто снятся кошмары – это был один из них, однако теперь, более... тематический, что ли. Тем не менее, от реальности этот сон был оторван сильно... Дочь Будли прекрасно знала, кто такие андрофаги и как они выглядят – это были обычные люди, чем-то схожие с финнами во внешности, но более дикие и практикующие каннибализм. Каннибализм практиковали также и их соседи, славяне, однако те это делали лишь в ритуальных целях своей языческой религии, ибо давно уже сеяли и пекли хлеба. Культура каннибализма, как основного рациона, могла сложиться лишь в обществе примитивных охотников-собирателей, кем и были северные соседи славян, андрофаги, в конечном итоге скатившиеся от нехватки рыбы, животных и лесных даров в пищу до поедания себе подобных. Не чураются они есть и соседние народы, например, тех же славян или балтов, а иногда и германцев, когда нелёгкая занесёт тех в их земли и позволит поймавать и такой «плод» в их «селки». Разумеется, глаза у андрофагов не горели синим, а кости не торчали вместо оторванных кусков плоти – это были обычные люди, человеки, причём весьма слабые – двухтысячное воинство гётов способно покрошить это отребье в капусту – было бы что только есть на землях этих дикарей – не самих же людоедов им пожирать, в самом-то деле?

Во сне она не кричала – если бы кричала, её бы уже разбудил стоящий за дверью верный Вальдемар или кто другой. Стонать – могла. Однако это её не разбудило – она досмотрела сон до конца. За последние несколько лет, как она лишилась чести, чему вида старалась не подавать, её часто посещали кошмары, и потому они её не пугали – видела и пострашнее.

Должно быть, уже утро, а это значит, что пора двигаться к выходу.

Одета она была не как во сне, не в белую сорочку, иначе она бы уже околела в этой каюте. Да, она отапливалась, но к утреннему времени все угли истлевали в её железной «буржуйке» в углу. К слову, по этому похолоданию в каютке Брунхильда и поняла, что время утреннее – к утру всегда здесь становится так холодно. Мужичьё она к себе не пускала, дабы те подбрасывали дров – прекрасно знала, что у них на уме, хоть и не опасалась, что с ней может случиться беда – она, как ходили слухи, была самой сильной в гётском королевстве не только среди жен-

щин, но и среди мужчин. Пожалуй, разумнее было бы разместить отдел для подкладки дров снаружи каюты, дабы нужный человек подтапливал комнату с улицы в течение всей ночи, как неоднократно думала принцесса, тем не менее, конструкция была такова. Так вот, одета наша героиня была вовсе не в сорочку, но в зелёную утеплённую унисекс-юбку германского типа до места чуть ниже бёдер, а ниже в такие же утеплённые такие же унисекс-штаны, но другого цвета, тёмно-оранжевого. На ступнях были тёплые носки. Но сейчас не время выходить, нужно было помочиться.

В её каюте была и неплохая мини-канализация – умельцы-гёты «впиндюрили» деревянную трубу к её сосуду для справления нужд в форме ведра из железа, по бортам которого был «присобачен» мех для присидки.

Она расшнуровала шнур, поддерживающий на месте штаны – те упали, она их придержала... Извлекла кусочек ткани из нижнего белья и бросила на дно морское, вернее, в самую нижнюю часть трюма, откуда, падая сначала в специальное ведро из «канализационной» трубы, потом уже выбрасывается в море обученным этому делу матросом. Вообще, это делал специальный трэлл (раб). Далее она плюхнулась задом на стульчак и сделала своё малое дело, после чего кусочек чистой ткани сунула в место выброшенной до этого в трусах. Месячные были ещё не скоро. В связи с этим вот уже в который раз подумала Брунхильда, что весьма странно и хорошо, что она не забеременела от тех вонючих карликов – вот была бы проблема... Однако не забеременела она и от молодой и здоровой спермы Зигфрида... Очевидно, она была бесплодна. И немудрено, ведь она была по характеру и силе, скорее, мужчина, нежели женщина – с малых лет она стяжала ремесло воительницы, но не роженицы и просто женщины. Возможно, усиленными физическими нагрузками она заставила все своё женское естество атрофироваться. В любом случае, она твёрдо знала, что больше не подпустит к себе ни одного мужчину!

Закончив со шнурками на поясе, она набросила на себя белую шубу, и вышла за дверь – в ноздри сразу ударил более холодный воздух, а из них-самих, прямо как в последнем сне, пошёл пар при выдохе. На улице было ясное утро. У двери стоял всё тот же Вальдемар.

– Доброе утро, моя госпожа! – развернулся к ней и молвил с поклоном своей русой головой Вальдемар.

Та в ответ лишь злобно смерила его взглядом – она всё ещё была зла на него за оспаривание её приказов. Если такое повторится снова, как тогда у озера Эльмарен, несколько дней назад, она убьёт его.

Брунхильда прошла мимо, к носу ладьи, не обращая внимание на орудующее на корабле мужичьё.

Всего неделю назад они проплыли через пролив озера Меларен и вскоре вышли в открытое Готское море. Принцесса считала, что худшая часть маршрута позади. Помимо льдов озера Меларен на северном его побережье были земли свирепых русов (да-да!, тех самых, кто позже пришёл в земли славян и финно-угров и в честь которых названа страна Россия, а народ русским!) – Рослаген со столицей в Уппсале – с ними у её отца и гётов сложились недружественные отношения, однако открытых войн никогда не было. Зато что-то подозрительно в последнее время они спелись со свеями, земли которых расположены западнее и северо-западнее их земель – надо смотреть в оба конунгу Будли за своими вассалами свеями! Внутреннее чутьё подсказывало Брунхильде, что этих русов следует опасаться. И не ошиблась.

– Ярл Вальдемар! Позади нас замечены корабли! Они нагоняют нас! – прокричал штурман в задней части корабля.

Вальдемар и Брунхильда отправились туда немедленно – последней для этого нужно было преодолеть корабль от носа до самой задней его части.

– Что там!? – спросил Вальдемар, подойдя к штурману вместе с Брунхильдой, – Что это за корабли?

– Мой господин, мой зоркий глаз видит знамёна русов!

Пригляделась и принцесса: и действительно – парус только одного из кораблей, очевидно, флагманского, был выкрашен в виде герба русов – пикирующего вниз золотого сокола на синем фоне паруса.

– Ускорить темп! – резко прокричала Брунхильда.

– Ускорить темп! – повторил её приказ для флагмана принцессы Вальдемар, затем стал подходить бортам ладьи и орать приказ для всего флота из 25-ти кораблей, передающийся по цепочке, от капитана к капитану.

– Как же мы вляпались, штурман... – на фоне криков Вальдемара заключила принцесса, – Но как они смеют?!

– Что смеют, моя госпожа? – удивлённо посмотрел на неё безбородый юноша-блондин своими голубыми глазами, подумав, что вопрос адресован ему.

– Смотри! – хватанула она его за голову рукой, прижала к своей пышной щеке и направила его взгляд, указывая пальцем, на корабли русов, – Это – боевое построение! – отбросила от себя она его голову, тот по инерции упал на палубу, – Жалкий глупец! Ты тут штурман или я?!

– Моя госпожа, простите меня! – юношеским тоном простонал тот и заплакал, перекувыркнулся на колени и лбом прильнул к палубе, – Простите!

Вместо ответа та лишь быстро и целеустремлённо зашагала в свою каюту – нужно было облачиться в доспехи.

Нет, доспехи доспехами, а драться с русами в море было самоубийством. Море – это их стихия. Гёты же совсем не были морским народом... Как и их родственники готы. Как и их родственники руги! Как и их родственники гепиды!!! На суше этих русов ещё можно было бы побить... Но сейчас была другая ситуация. Ровней на море русам могут быть разве что даны, но те далеко, они им сейчас не помогут. Да и с чего бы им помогать? Если бы Брунхильда была бестолковой дурочкой, она бы, наверное, сейчас начала просить милости у Ньёрда, скандинавского морского бога, обещать ему жертвы, если он ускорит плаванье их кораблей (в битве с русами им не помогли бы даже боги) – но она не была дурочкой и слишком хорошо знала, что из себя представляют боги и как они хитры, лживы и никогда не помогут вам чисто по доброте душевной, но всегда преследуют свои грязные цели...

Не прошло и пяти минут, как принцесса из принцессы превратилась в настоящую деву щита, и с щитом наперевес она вышла из своей каюты – голову её венчал уже знакомый нам крылатый шлем. Она уже решила, что будет делать дальше.

– Вальдемар! Ко мне! – прокричала она имя своего верного подчинённого.

Тот явился на зов немедленно.

– Вели кораблям ярла Инкстада, ярла Борка и ярла Грота разворачиваться и атаковать флот русов.

В ответ он удивился и молвил:

– Моя госпожа, но ведь это... – его прервал нож у горла, который поднесла к нему воительница-Брунхильда.

– Я ведь тебя предупреждала... – прошипела она.

– Будет исполнено, моя госпожа.

И нож был тут же убран.

– Выполняй приказ. Живо!

И Вальдемар помчался передавать приказы на соседние корабли.

Да, Брунхильда знала, что он хотел ей сказать – это большая часть их воинства, большая часть их кораблей... Ярлу Инкстаду принадлежит пару дюжин кораблей, на которых располагается четверть всех их двухтысячного войска – с двумя другими ярлами та же картина. Четверть войск при таком раскладе от всего воинства находилось в распоряжении ярла Вальдемара... Вернее, в распоряжении дочери короля, конечно же, а это около пятисот отборных

воинов. Брунхильда понимала, что остальные полторы тысячи можно уже считать мёртвыми – ими придётся пожертвовать, чтобы остановить русов на достаточно долгое время для того, чтобы у части флота принцессы было время на отступление и удаление от них. С русами в морском бою им не выжить. Принцесса верила, что и сам ярл Вальдемар всё это понимает, но зачем же было возражать... Неужто было, что предложить из альтернативных вариантов?

Брунхильда добралась до штурмана в задней части корабля.

– Сколько у них кораблей? – она уже подсчитала их число приблизительно, ещё когда разглядывала герб русов на парусе перед облачением в доспехи, насчитав около двадцати, однако и этого числа отборных и опытных специально обученных мореходов было вполне достаточно для того, чтобы разбить сухопутных воинов гётов в море. Тем не менее, ей хотелось бы знать точное число. Тот, услышав голос единственной женщины на корабле, грохнулся на пол, развернувшись при этом падении к ней. Как же захотелось воительнице сейчас взять, и схватить этого малолетнего кланяющегося олуха за воротник обеими руками, и выбросить за борт – но руки у неё были заняты: одна – щитом; другая – копьём. Она сделала глубокий вдох.

– Повторю ещё раз: сколько у них кораблей?

– Моя госпожа, у них 23 корабля! – вставая, выпалил он – его мучила одышка от страха перед принцессой.

Кораблей ярлов Инкстада, Борка и Грота должно вполне хватить, чтобы дать им уйти. Но какой мотив они преследуют, эти русы?, гадала Брунхильда. Богатой добычи у них не было, – с них нечего было взять, – да и небогатой тоже... Для принцессы всё более очевидным становилось то, что это была сугубо военная акция, это была война, начало войны между их народами, – гётов и русов, – других вариантов просто не могло быть. Но зачем?.. Ради чего?.. Должно быть, русы засекли уходящий флот гётов на восток ещё на озере Меларен – для них это подарок, особенно если они собирались в скором времени напасть на Гётелэнд – так они расправились бы со значительной частью армии гётов в море с лёгкостью, зная, что это их, а не бога Ньёрда, стихия – но Брунхильда пока не собиралась помирать здесь... Она ещё должна спасти свою сестру, и потому отложила эту думу на потом. Однако грядёт морская резня – сегодня Готское море напьётся крови гётов и русов вдоволь...

Гизельгер

Весна, 407-й год после Р.Х., Аскаукалис, столица Бургундии.

Младший из принцев Бургундии крайне редко посещал эту часть Аскаукалиса. Из законнорожденных принцев... Кто знает, возможно, их отец Гибика сбрендил на старости лет и наплёл про Гундомара ложь, назвав того ублюдком богини Фрейи и его-самого... Возможно даже, его на это науськивал сам епископ Арий, дабы отобрать власть. Пролить свет на этот вопрос позволит только результат экспедиции Зигфрида, однако чем дальше Гизельгер находился в Аскаукалисе с момента смерти епископа, тем очевиднее для него становилось, что их новый король погубит их всех раньше, чем Зигфрид с Хагеном и другими явятся обратно.

Гизельгер крайне редко посещал эту часть Аскаукалиса. Той его части, которую он посещал часто, можно сказать, больше не было – новый король Гундомар I сжёг до основания церковь Аскаукалиса, в которой Гизельгер так часто бывал со своей сестрой Кримхильдой, братом Гунтером, Эммой... Никто из перечисленных сейчас не пришёл с ним сюда – на капище германских богов в восточной части города. Он пришёл инкогнито – укрывшись плащом с капюшоном. Он не хотел, чтобы его видели в окружении этих персон. Однако сегодня сюда явилась и другая часть Аскаукалиса – не только лишь почитатели старых богов. Они пришли послушать, что же скажет их новый вождь в своё оправдание – зачем он расправился с епископом и сжёг храм. Капюшон на голове Гизельгера пришёлся весьма кстати, ведь на улице вот уже третий день с момента сожжения церкви и смерти Ария лил дождь. Местами к этому дождю добавлялись гром и молния, порой дождь перетекал в ливень – казалось, сама природа оплакивает епископа и его церковь, в которой он вёл службы последние несколько лет.

Из богов были все в сборе – они тоже хотели послушать, что же скажет их «наместник на Земле», а вернее, в Аскаукалисе и Бургундии. Всего истуканов было пять, направлены они были полукругом к присутствующим и достигали в высоту до 7-ми метров: левее всех стоял Тор, но по правую руку от стоящего далее Вотана, по левую руку от которого стояла его жена Фригг, по левую же руку от Фригг красовалась другая пара, брат и сестра, два бога-вана в окружении трёх богов-асов, Фрейр и Фрейя, дети бога-вана и гермафродита Ньёрда, который зачал этих двоих сам с собой, а позже и выродил.

«Какая ирония», – подумал вдруг Гизельгер.

А ведь действительно, иронично – за спиной Гундомара должна будет стоять та, – а вернее, её кумир, – кто и является, если верить Арию, его матерью, которую и отправился убить Зигфрид с Хагеном. Уровень иронии возростал вдвое, если данное «божество» действительно окажется не более, чем простым дагоном (водяным существом), но сколько же крови, получается, в пустую было пролито на этом самом алтаре в центре полукруга, а также на других алтарях и молильнях, посвящённых этому божееству... Кровь ради крови. Бессмыслица. Всё язычество – это бессмыслица!

От раздумий принца отвлёк разговор двух зевак:

– Да! Пусть объяснит, для чего была сожжена наша церковь! Если епископ и был замешан в противоправном заговоре против него – пусть предъявит доказательства! Но церковь-то за что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.